

ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ НИКОЛАЯ СОЧИХИНА

Имя Николая Социхина хорошо известно сургутянам: под ним печатаются стихи, написанные о северном крае и его людях, их заботах, радостях и печали. В стихах Николая Социхина узнают себя нефтяники и буровики, геологи и строители, в них течет таежная речка Вах, летят на вахту проходчики недр, пишут щемящие душу письма из затерянных в глухомани балков простые и мужественные люди.

На протяжении многих лет Николай живет в Сургуте, и все эти годы он не может не писать

о городе, ставшем родным. Не раз его стихи публиковались в областной и окружной газетах, на страницах толстых журналов. И все же самый горячий отклик его поэзия находит в сердцах сургутян, впервые прочитавших искренние и наполненные глубоким чувством стихи Н. Социхина. Недавно стало известно, что наш земляк стал участником Всесоюзного совещания общества книголюбов. Хочется верить, что знакомство с поэзией Н. Социхина продолжится.

СЕНТЯБРЬ-84

Кружится. Кружится.
Кружится. Кружится.
Кружится. Кружится.
Вот и последняя
лужица
Вся изошла на огне.
Нет ни о чем
сожаления.
Все мне — любовь и
родня.
Я приглашен
на рождение
Необычайного дня.
Сердце мечтает о чуде.
Тянется робко к огню.
Как вы мне нравитесь,
люди!
Как я вас, люди,
люблю!

Мы встали еще
до рассвета,
Снеговку надели свою.
Лети, дорогая планета,
Навстречу грядущему
дню.
А день этот радостным
будет,
Не зря же мы все
поднялись.
Но есть еще, есть еще
люди...
В потемках они
родились.
Им с нами идти
неохота
И песен им наших не
петь.
Одна у них цель и
забота:
— А что мы там будем
иметь?

в недрах,
Которые я пробурил.
В болотах дорог
километры,
Которые я проложил.

ЛОМ И КАРАНДАШ

О, как тяжел ты,
легкий карандаш!
Как часто ты бываешь
не в ударе.
Но я тебе ужасно
благодарен
За малость ту. За
труд нелегкий наш.
Мне мастер лом вручал
не на парад.
За вахту хоть
выкручивай от пота.
Я знаю: лом карандашу
не брат,
Хотя и там и тут —
Работа.
А жизнь как жизнь.
В ней всякое
бывало,
То солнца луч. То все
— наоборот.
Но счастливы я: моя
душа познала
И рифм
обворожительный
полет,
И поступь тяжкую
металла.

ДРУЗЬЯМ ДЕТСТВА

Мы жизни ничто не
поставим в вину:
Ни сиротство, ни
горшее, если
случится.
Наши старшие
братья ушли
на войну,
И некому стало с
нами водиться.
Пускай обошли нас
посты и чины,
Хотя (при упорстве)
могли и добиться.
Наши старшие
братья не вернулись
с войны,
И некому было за
нас заступиться.
Но мы на тебя не
в обиде, страна,
И сами сумеем, коль
гром разразится,
Как старшие братья...
И их имена
Не запячем, могу
поручиться!

ЗИМА

И снег был.
И слякоть.
И холод.

А вот, наконец, и сама.
Ну, здравствуй!

С счастливым
приходом,
Красавица наша —
зима!
Я рад твоему
появлению.
Наряды твои хороши.
Зима, ты пора
вдохновенья
И удали русской души.
И щеки горят
от мороза,
И звонко звенят голоса.
И солнце, как дивная
роза.
И словно платок,
небеса.
И говор. И шутки.
И песни.
И в лентах упряжка
коней.
И нет. И не будет
чуждней,
Как мчатся
и мчатся
на ней.

ГРОЗА

Земля по влаге
изнывала,
И туча влагу принесла.
Лишь малость небо
грохотало,
Лишь малость туча
пролила,
Но как земля
преобразилась.
Как изменилось
все вокруг,
Как будто чудо
совершилось
По воле чьих-то
добрых рук.
И в небе радуга
новисла
На удивление всех
людей,
Как распятое
кормысло
Из детства матери
моей.

Вот и вечер.
Смокли птицы —
Завтра полон день
труда.
И как в зеркало,
глядится
В речку первая
звезда.
Но не скоро ляжет
темень
Пад просторами
полей.
И идут за нами
гени
От литовок и
граблей.

Убирают хлеб
комбайны,
Словно по морю
плывут,
А березки как для
тайны
Комбайнеров в тень
зовут.
Золотой и изумрудный —
Принимай его, страна,
То — итог твой
многогрудный,
Дней без отдыха и сна.
Мне приятны эти лица,
Бодрый оклик:
«Не зевай!»
И идет, идет пшеница
В наш российский
каравай.

ВЕНЕРИН БАШМАЧОК

«Цветы! Увядшие
цветы!».
Николай Рубцов.
Красавица Венера
Однажды в вечерок,
Играясь, обронила
Изящный башмачок.
И молния сверкнула,
И следом грянул гром,
И башмачок Венерин
Стал в тот же миг...
Цветком.
Всю ночь земля
вздыхала.
С небес ливня лилось.
И в башмачок дождиком
С краями набралось.
А утром пели птицы,
И я пошел гулять.
И башмачок увидел.
И захотел сорвать.
Но сердце застучало:
Не рви! Не рви! Не рви!
Ведь, может быть
Венера
Искать его придет.

Люблю, как приеду
в деревню.
Пройтись по окрестным
местам,
Где каждая купа
деревьев,
Как дивный дворец или
храм.
А там, где курья и
озера,
Лучами заката облит.
Большим кафедральным
собором
Готический ельник
стоит.
И мальчик, рваная
шапка,
Промчится в луга
на коне,
Как будто бы птица
каная,
Дотоль не известная
мне.
Я вздрогну и
встану.

И долго
Во след ему буду
глядеть,
Пока он по краю
околка
Все будет лететь и
лететь.
И рад я, что здесь
я родился,
Кому-то родней
доволюсь.
Пусть где-то я в дело
сгодился
Но то, что отсюда, —
гордился.
И, может, когда
пригожусь.

СУРГУТСКИЕ

АВИАРЕЙСЫ

Пассажир всегда
в заботах,
И забот полным-полно.
Но в салоне самолета
Оживленно, как в кино.
Кто-то, словно на уроке,
Неуверенно прочел
на панели:
«Ноу смокинг»,
«Фэсти бэлтс».
И эти строки
Нам на русский
перевел.
Все семейство то и дело
Улыбалось загорело.
Рядом дяденьки
охотно
Говорили об охоте.
Кто похрумкивал
конфетки,
Их вертя на языке.
Парень из
нефтеразведки
Громко хвастал в тайге
Но всегда в любой
дороге
Важно просто
отдохнуть.
Примостить удобно ноги
И попробовать заснуть.
Пошуршал салон газетой
И умолк... Лишь
слышно где-то
За бортом, как два
дружка,
Не смолкают два
движка.
Да чего-то шею тянет
Неспокойный мой
сосед.
Он, наверно,
сургутянин.
Впрочем, может быть,
и нет.
Вот и мне вослед
кому-то
Задремалось... Но уже
Над Сургутом.
Над Сургутом
Самолет на вираже,

Закат. Фотоэтиюд К. Иванова.